

6

БѢЛОРУССКІЯ ПѢСНИ,

СЪ ПОДРОБНЫМИ ОБЪЯСНЕНІЯМИ ИХЪ ТВОРЧЕСТВА И ЯЗЫКА, СЪ ОЧЕРКАМИ
НАРОДНАГО ОБРЯДА, ОБЫЧАЯ И ВСЕГО, БЫТА,

издалъ

Петръ Ивановичъ Безсоновъ
Петръ Безсоновъ

ПОДДЕРЖКАМИ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

*

с

МОСКВА.

Въ типографіи Бахметева на Срѣтенѣ, д. Карлови.

1871.

272 21.11

1874, Dec. 18.

Subscription Fund.

ВЪ ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ ИЗДАНІЮ.

Бѣлая Русь или *Бѣлоруссія* имѣла въ своемъ существованіи два періода, по истинѣ блестящихъ и своеобразныхъ.

Въ первомъ, съ начала нашей общей Русской исторіи до конца XVI вѣка, народность Бѣлорусская оказала замѣчательную крѣпость и живучесть основныхъ началъ, разносторонность развитія, покоряющую вліятельность и свободную общительность своихъ силъ. Она умѣла на равныхъ правахъ ужиться съ такими, еще сильными въ то время или тогда уже сильными, народностями и племенными вѣтвями, какъ Литовская, Польская, Еврейская и даже Нѣмецкая, всѣ сожительныя съ ней, совмѣстныя, во всякомъ случаѣ ближайшія и сосѣднія. Не покоряя ихъ оружіемъ внѣшнимъ, напротивъ часто сама покоряемая и покорная, она постоянно то боролась съ ними для дружнаго единенія, то дружилась для внутренней, самоопредѣляющей, борьбы, и, постепенно, шагъ за шагомъ, успѣвала побѣждать своимъ духовнымъ, нравственнымъ, словеснымъ, творческимъ, бытовымъ, гражданскимъ, образующимъ и просвѣщающимъ вліяніемъ. Про нее-то можно сказать со справедливостью, что въ семь дѣлъ не сдала она ни пяди земли, ни камня своего зданія: напротивъ создала землю и цѣлый край, возвела съ основъ свое великое зданіе. Языкъ свой наложила она на большую часть другихъ представительныхъ народностей, съ языкомъ грамоту, съ тѣмъ и другимъ міръ воззрѣній, а съ симъ посредствующимъ проводникомъ всѣ прочія самобытно-цивилизующія начала: на домашнюю бесѣду, на общественную рѣчь, на письмо всѣхъ гражданскихъ и даже отчасти государственныхъ дѣлъ, на первыя училища, на слово и пѣснопѣніе церкви. Народный обрядъ ея стойко удерживалъ свою необыкновенную, еще при-Дунайскую и за Дунайскую древность; народный обычай развивался безпрепятственно и до подробностей; творчество кнѣзло обильными силами; пѣсней и стихомъ, не широкими и не длинными, а въ тысячѣ видовъ, съ изящнымъ и частію шутливымъ характеромъ, оглашался весь этотъ видимый и невидимый образъ жизни народной: довольно сказать, что Слово о Полку Игоревѣ безъ нея убавилось бы на треть, что многое для цѣлаго Славянскаго пѣснотворчества сгибло бы

неяснымъ и неполнымъ безъ ея наслѣдія, даже въ теперешнихъ его остаткахъ, подлежащихъ читателю. Быть простой, степенный и какъ-то особенно прочный, всего менѣ дикій или грубый, всего болѣе общительный, другимъ доступный, себѣ уютный, довольный безъ роскоши, ровный безъ излишества, безъ бурь и тревожной страсти, при спокойствіи нрава и сдержанномъ юморѣ, пріятный хоть мелко, но узорчатою отдѣлкой. Трудъ не спѣшный, но долгій и упорный: хозяйство общинное въ корнѣ, но свободное для частной собственности, успѣшно и рано расплодившейся; поля достаточно обработанныя; отличные лѣса съ добытою пользою на всякую нужду; многочисленныя рѣки и озера, окаймленныя сѣтями тысячи рыболововъ; не широкія, но удобныя и ревностно поддерживаемыя сосѣдними жителями дороги; промыслы и ремесла далеко развиты; торговля, обеспечившая полное довольство; дешевизна, даже до послѣднихъ временъ, баснословная. Городская жизнь, давно обезпеченная опредѣленными правами гражданскими; гражданственность, не оторвавшаяся отъ Русской обычной основы и не отстававшая отъ развитія западныхъ сосѣдей, даже самыхъ далекихъ: гласное, публичное судопроизводство, а съ нимъ сообразное судоустройство, съ XVI вѣка; Статутъ—одинъ изъ величайшихъ памятниковъ юридическихъ. Православіе церкви, столь отвѣтное духовнымъ нуждамъ Руси и всего, приобщеннаго ему, Славянства, встрѣчено, воспринято, практиковано любовно цѣлымъ народомъ, просіяло обрядомъ, гвнїемъ, вѣроученїемъ, проповѣдью, подвижничествомъ: долго, съ высоты мирно добытой, не то, чтобы не досягаемой, напротивъ легко доступной, свѣтило и просвѣщало оно до крайнихъ предѣловъ возобладавшей народности. Разумѣется, мы не называемъ народностью всѣхъ этихъ вершинъ, до коихъ достигли соки ея живучаго корня; но не можемъ забыть, что народностью могутъ проникаться всѣ развѣтвленія жизни, на ней основанной: общественныя, гражданскія, церковныя, и это особенно желательно, и это было въ настоящемъ случаѣ. Такъ Бѣлая Русь обняла, сомкнула и соединила, опредѣлила и обособила свою землю, цѣлый и обширный Край, отъ Двины до Нѣмны и въ промежуточномъ побережьи, отъ границъ Польскихъ въ Королевствѣ и подъ Короной до Псковскихъ, Новгородскихъ, Смоленскихъ, гдѣ вдавалась въ Великую Русь подъ самый Можайскъ, на Югъ же еще дальше по теченію рѣкъ, особенно Днѣпра, черезъ Волынь и Черниговскую область постепенными переливами сливаясь съ Малою Русью. До сихъ поръ, вступая внутрь этихъ предѣловъ Края, который недавно принято называть, хотя не совсѣмъ точно, Сѣверо-Западнымъ Русскимъ краемъ, какъ ни отяжелѣла надъ нимъ рука послѣднихъ столѣтнихъ событій, видишь, слышишь и чувствуешь всюду, что здѣсь точно существуютъ, не надуманы и не начертаны только, географическія или государственныя границы; что внутри ихъ есть дѣй-

ствительная особенность, изнутри себя ихъ очертавшая; что здѣсь своя почва, свое племя, свой народъ, своя народность, нѣкогда обладавшая, хотя бы нынче живые лица ея прятались отъ вашего взора въ развалинахъ былаго, хотя бы она съ тупымъ лицомъ и безмолвными устами встрѣчала при развалинахъ «своихъ» новаго гостя. И что замѣчательно: какъ ни орудовали прежде суровые Литовцы, сколько ни пановали Поляки, какъ ни расплодились, ни набрались и не разбогатѣли послѣ нихъ Евреи, сколько ни разцвѣтали новыя надежды старыхъ Нѣмецкихъ захватовъ,—мы убѣждаемся на каждомъ шагу, что всѣ эти племена, народности, языки, бытовые единицы и вѣры сдерживались нѣкогда въ равновѣсіи чьей-то иною верховною рукою; что равновѣсіе поколебалось отъ ея ослабленія и оскуднѣнія, поколебалось, но еще не уничтожилось во всѣхъ, и яркихъ, слѣдахъ своихъ; что народная исторія видѣла здѣсь главенство другое и судьба народная готовила господство для народности другой, не той, которая царствовала не давно, а той, которая гораздо прежде правила и направляла. Государственный міръ Русскій господствуетъ здѣсь столѣтіе и за послѣдніе годы сильнѣе, чѣмъ когда либо: мѣры его, средства, вліянія и явленія, естественно, суть чисто-государственные. Но мы говоримъ пока о мірѣ—народномъ, хотя бы съ его бытовыми и общественными, гражданскими и церковными проявленіями на крайнемъ развитіи основъ народныхъ: и этотъ-то міръ сновался иной, и за вѣка, о которыхъ мы вспоминаемъ, являлся міръ особый, на Обще-Русскомъ корнѣ параллельный Малорусскому и посредствующій между Русью Великой со стороны одной, между Западнымъ Славянствомъ съ другой. Всѣ его отличія, которыя бѣгло перечисляли мы, сводятся къ сей задачѣ *посредства*. То былъ періодъ, по сущей правдѣ, *народный*. Средства и звѣнья всякой цѣпи единенія, прежде чѣмъ послужить ему и даже чтобъ послужить звѣньями соединяемаго, должны имѣть собственную самостоятельность: она существовала, на глазахъ исторіи, въ смыслѣ народномъ и въ высшихъ проявленіяхъ народности. Было ли нужно это посредство? Отвѣтимъ тогда, когда въ слѣдъ за Русской государственной силой явится въ Край Русская церковность, гражданственность, общественность, образованность, бытовая своеобразность, основная народность и самъ—явится лицомъ народъ Русскій, и все это мы въ правѣ будемъ называть—какъ въ Малороссіи не Малорусскимъ, такъ въ Бѣлоруссіи не Бѣлорусскимъ, даже не Великорусскимъ, а дѣйствительно *Обще-Русскимъ*. Тогда мы отвѣтимъ, что *теперь* всякое посредство и звѣно переходное не нужно: но и тогда еще промолчимъ, нужно ли было посредство и звѣно *прежнее*. Какъ бы то ни было, только этотъ народный міръ и періодъ Бѣлорусскій не достигъ одного завершенія своему заданію: *государства* и *государственности*. Отъ того ли, что промежуточные государства вообще не удаются или по крайности не

долговѣчны, или отъ того, что всѣмъ уже Славянамъ такая недоля, всѣ ихъ былыя самобытныя государства оказывались почему-то и между кѣмъ-то промежуточными, нужными для подставы тому или другому сильному со-сѣду: только искомаго не нашлось. Сперва по частямъ и мѣстамъ при-шельцы Нѣмцы, потомъ постоянную и общую государственную роль взяли на себя полудикіе, но крѣпко вооруженные и упрямые Литовцы, во всемъ остальномъ развитіи зависѣвшіе отъ Бѣлоруссовъ, а послѣ полураспущен-ные Поляки, питавшіеся живыми, не оскудѣвшими еще соками Бѣлоруссіи, не только внѣ государства, отъ языка до церковныхъ силъ, но даже и проч-ною солидностью Литовскаго государственнаго строя.

Второй періодъ начался съ того же XVI вѣка и длился до XVIII-го, вхо-дя даже въ сей послѣдній до второй половины съ извѣстной постепенностью. Государство чуждаго корня, инородное и иновѣрное, потрясло до корня рав-новѣсіе составныхъ частей созданнаго Бѣлоруссіей міра и мира: внесло въ борьбу ихъ раздоръ и страсть, безъ цѣли и надежды на единеніе или при-мирение, безъ возможности соглашенія; раздувало внутреннюю смуту и поль-зовалось ею для своихъ внѣшнихъ цѣлей. Какъ слѣдовало ожидать, все это тяжестью своей падало на ту составную часть, которая была нѣкогда главною и управляющею, основною и смотрѣвшею впередъ къ своимъ цѣлямъ,—на Бѣлоруссію. Всѣ силы ея, достаточно еще обильныя, отъ языка до вопро-совъ церковныхъ, пришли въ напряженіе: потеряна всякая надежда на го-сударство, почти не собственное, такъ что ему-то и приходилось всего ча-ще давать отпоръ, какъ врагу; естественный, ровный, спокойный, какъ преж-де, путь развитія сталъ не примѣнимъ и даже не возможенъ; самобытное, послѣдовательное теченіе отъ родника народности преграждено. Второй пе-ріодъ Бѣлорусскій былъ все-таки еще плодомъ ея: но чтобъ созрѣть, тре-бовалъ иной прививки; въ концѣ онъ почти переродился относительно сво-его сѣмени, вступило извѣстное въ природѣ перерожденіе видовъ. Осталось прилагать способы, испытанные другими націями въ ихъ политической жиз-ни, преимущественно переходящіе въ Европѣ отъ историческаго народа къ дру-гому. Если хотите, здѣсь былъ еще характеръ *національный*, но уже никакъ не *народный*: народность скорѣе гаснетъ и вымираетъ, чѣмъ сдается; путь національности есть путь перерожденія среди политическихъ обстоятельствъ. Поднялись ассоціаціи по всѣмъ направленіямъ жизни, православныя брат-ства, школы, литература, наука. Общественное возбужденіе, своими дви-нувшимися силами, переступило предѣлы Бѣлорусскаго міра и разлилось далеко за нихъ по всѣмъ направленіямъ. Школы Бѣлорусскія съ ихъ шко-лярностью предупредили въ семъ отношеніи самую Малороссію, во многомъ сообщили ей типъ свой, а подавно цѣликомъ перенеслись въ Московское государство къ концу XVII вѣка; литературный языкъ «Бѣлорусскій» съ

симъ самымъ именемъ, хотя и не всегда съ отличіями прямо Бѣлорусскими, а часто Польскими, Латинскими и всякими иностранными, сдѣлался общимъ для всей Западной Руси, не исключая Руси Малой, и вошелъ весьма вліятельнымъ ингредіентомъ въ литературу Великорусскую; тѣми же путями, даже Бѣлорусскій говоръ съ его произношеніемъ и такъ называемымъ *а-каньемъ* (выговоромъ всюду *а*, гдѣ только о безъ ударенія) передѣлалъ собою, съ половины XVII вѣка, центральное нарѣчіе Московское и сталъ нынѣ отличительнымъ признакомъ сего послѣдняго; наука, съ основою средневѣковой схоластики, но съ извѣстною долей элементовъ реформатскаго возрожденія, охватила всѣ области вѣдѣнія, отъ грамматики до теоріи музыки и пѣнія, до богословскаго катихизиса и полемическаго богословія,—эти опыты старше въ Краѣ, чѣмъ гдѣ либо въ остальной Руси; надорванная политическая жизнь сказалась отсутствіемъ политической исторіи въ смыслѣ изслѣдованія и учебника, но и для нея подготовленъ былъ матеріалъ въ миллионѣ рукописныхъ памятниковъ за всѣ эпохи, чѣмъ успѣлъ еще отчасти, хотя поздно, воспользоваться Конисскій и чѣмъ послѣ него никто еще изъ другихъ не воспользовался, какъ слѣдуетъ, доселѣ. Тѣмъ не менѣе, эти передовыя Бѣлорусскія силы, опять къ ихъ чести и по старому закону ихъ народной жизни, не исключили и не упразднили успѣховъ своихъ сожителей, ни даже враговъ: Польскіе ученые и литераторы, дѣйствуя среди Бѣлоруссовъ, не уступали значеніемъ ни тогдашнимъ Краковскимъ, ни Львовскимъ, а подавно Варшавскимъ, и только за наши годы вымерли здѣсь или на всегда отсюда выселились; вѣроятно не многимъ извѣстно, и однакоже вѣрно, что Еврейская наука въ Бѣлорусскомъ краѣ имѣетъ давно свою литературу, замѣчательныя типографіи, ряды многотомныхъ изданій и доселѣ такихъ представителей, которые считаются въ Еврействѣ первыми для Европы, а за ней для цѣлаго свѣта; не говоря о католичествѣ, лютеранствѣ и кальвинизмѣ, даже болѣе мелкія секты реформаторовъ, съ самаго начала также точно славятся здѣсь типографіями, школами, дѣятелями, считая въ рядахъ своихъ совѣтъ не однихъ Нѣмцевъ, а столько же, и даже больше, мѣстныхъ уроженцевъ разнаго племени. Край, при всѣхъ разореніяхъ, даже до послѣдняго времени, на 25 квадратныхъ верстѣ выставялъ по крайности по одной обширной библіотекѣ, кромѣ мелкихъ; онъ значительно покрытъ теперь казенными учебными заведеніями, возникшими на мѣстныхъ началахъ, но еще сплошнѣе прежде усѣянъ былъ всякими общественными и частными; онъ до послѣднихъ лѣтъ процвѣталъ обильными и цѣле-сообразнѣйшими, для воспитанія полудомашняго и полушкольнаго, такъ называемыми «ученическими квартирами,» съ воспитателями и репетиторами по частному найму; грамотность развита до сихъ поръ, по крайности всюду господствуетъ воспитанное уваженіе къ ней и къ наукѣ. Такъ сей періодъ

должно назвать по преимуществу *образовательнымъ*, въ смыслѣ школы, науки, литературы, библіотекъ, типографій и тому подобныхъ средствъ или явленій образованности. Но особенно онъ приобрѣлъ себѣ блескъ и славу отъ тѣхъ силъ, которыя выливались за предѣлы Края: это была масса, по преимуществу изъ Бѣлоруссовъ, прошедшая дома, отчасти и за границей, отличную по времени школу и тяготившаяся внутри положеніемъ дѣлъ, запутанныхъ нескладностью государства; ей скоро подоспѣло содружество Малоруссовъ, которые умѣли встряхнуть господство Польское, но для мирныхъ занятій науки встрѣчали помѣху въ тревогахъ козацкихъ. Сплотившись въ одну многочисленную и вѣковую колонизацію, ряды колонизаторовъ двинулись туда, гдѣ считали уровень образованія ниже и куда надѣялись принести съ собою сумму преобразованій, а вмѣстѣ, разумѣется, снискать себѣ покойный пріютъ, почетъ и хорошее содержаніе. Мы не оцѣниваемъ здѣсь ни внутренняго достоинства сихъ реформъ, конечно во многомъ не выдерживающихъ критики, ни нравственного качества сей дѣятельности, ни естественнаго незнанія, даже невѣжества относительно тѣхъ краевъ, которые для смѣлыхъ колонизаторовъ представлялись грубымъ, сырымъ матеріаломъ. Мы беремъ только видимость данныхъ, а всякой знаетъ, какъ были они обильны, сильны и вліятельны, на примѣръ для Великой Россіи и особенно Москвы. Пришельцы заняли здѣсь самыя видныя и вліятельныя мѣста, отъ іерарховъ до управленія консисторій, ими устроенныхъ, отъ воспитателей семьи царской до настоятелей монастырскихъ, до ректоровъ, префектовъ и учителей ими же проэктированныхъ школъ, до кабинетныхъ и типографскихъ ученыхъ, дѣлопроизводителей, дьяковъ и секретарей. Все почти подверглось ихъ реформѣ, по крайности неотразимому вліянію: богословское ученіе, исправленіе Священнаго и Богослужебнаго текста, печатаніе, дѣла раскола, церковная администрація, проповѣдь, храмовое, общественное и домашнее пѣніе, ноты, внѣшность архіерейскихъ домовъ, образъ ихъ жизни, экипажи и упряжь (цугомъ, въ шорахъ, съ бичами, въ трехъуголкахъ), одежда слугителей (на примѣръ пѣвчихъ), видъ и составъ школъ, предметы и способы ученія, содержаніе библіотекъ, правописаніе, выговоръ рѣчи устной и въ чтеніи (церковное мягкое : вмѣсто твердаго), общественныя игры и зрѣлища, и т. д., и т. д.*). Тѣмъ не менѣе, сколько ни принесла эта

*) Мы часто касались того и другаго періода, предлагая краткіе очерки, ставя вопросы и указывая пути для любопытнаго изслѣдованія: при изданіи твореній Крижанича въ „Русской Бесѣдѣ“ и при изслѣдованіи въ „Православномъ Обзорѣніи;“ въ первой еще о „Типографской Библіотекѣ;“ въ послѣднемъ о „Судьбѣ нотныхъ пѣвческихъ книгъ;“ при 4-мъ выпускѣ „Калѣкъ Перехожихъ;“ въ „Московскихъ Письмахъ“ и „Письмахъ изъ Москвы;“ въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ 1867 и 68 года; въ настоящемъ изданіи.

сила пользы или вреда другимъ краямъ, Бѣлорусскій собственный край она покрыла славой, но столько же, и больше, подорвала его самостоятельность, истощила лучшими представителями: это была сила не центростремительная, а центробѣжная; выходцы уже не возвращались на родину; запутанные на сторонѣ въ государственныя и политическія дѣла, мало имъ знакомыя, не воспитавшись и дома достаточнымъ политическимъ тактомъ, гибли они, почти безслѣдно для мѣстныхъ покинутыхъ интересовъ, при всемъ своемъ желаніи не имѣя возможности помогать издали, какъ это бываетъ со всеми выходцами. Петръ Первый положилъ всему этому конецъ, протянувши мощную руку свою прямо отъ Россіи къ Западной, не-Славянской Европѣ, минуя всякое Польско-Бѣлорусское и Малорусское посредство: когда завершился и принялся его переворотъ, ко временамъ Елисаветы и Екатерины всѣ эти переходные мосточки и посредствующіе пути оказались совсѣмъ не нужны, ни для народности, ни для цивилизаціи, а главное—для государства.

Съ тѣхъ поръ, слишкомъ столѣтіе, длится періодъ *третій*, который пока не беремся мы характеризовать никакимъ особымъ именемъ. Укажемъ лишь нѣсколько его признаковъ. Вообще Бѣлорусскій край пересталъ быть, какъ прежде, звѣномъ соединительнымъ и посредствующимъ, напротивъ сдѣлался *междоузломъ* и *промежуткомъ*, со всеми невыгодами явленія промежуточнаго. Еще въ XVII вѣкѣ явился онъ яблокомъ и самымъ поприщемъ раздора, со всеми послѣдствіями военного времени и разоренія, какъ постоянная почти арена или стоянка передвигавшихся съ той и другой стороны войскъ, между двумя государствами сосѣдями, изъ коихъ даже Польское имѣло еще нѣкоторую силу. Съ постепеннымъ и окончательнымъ ослабленіемъ сего послѣдняго, осталось конечно одно мощное государство Русское, къ которому Польша, въ объемѣ минувшаго Царства, явилась только прибавкою или составною частью Русской короны: но, и по срединѣ между двухъ разныхъ государственныхъ, даже воюющихъ, сторонъ, могла же нѣкогда до извѣстной мѣры продолжаться жизнь не-политическая, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго. Теперь борьба перенеслась внутрь. Если государственная сторона осталась одна, то все-таки многія стороны остались въ другихъ проявленіяхъ жизни: стороны вѣры, гражданственности, общественности, образованія, народности, языка. Вопросъ Польской стороны рѣшенъ здѣсь въ принципахъ и въ печати, но не на самомъ дѣлѣ и не въ жизни; Еврейскій вопросъ, занимающій въ современности серьезную роль, даже не поставленъ опредѣлительно; Литовскій, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ важный и по мѣстамъ коренной, почти игнорированъ; впереди встаетъ Русскій, но въ примѣненіи его къ Бѣлоруссіи, кажется, сдѣлано еще всего меньше. А между тѣмъ неопредѣленность того, или другаго и третьяго, въ одномъ ослабленіе, но не преобразование, въ другомъ преобразование, но не ослабле-

ніе стихій вредоносныхъ, въ третьемъ отсутствіе всякого преобразованія, въ четвертомъ недостаточный подъемъ, все это, при недостаткѣ равновѣсія, но и при отсутствіи господствующаго, крѣпкаго и послѣдовательнаго, перевѣса, выводитъ за собою и выдвигаетъ на сцену элементъ, коему вовсе не давалось прежде въ Краѣ превосходства, элементъ Нѣмецкій, начиная съ языка и народности, отъ быта и землевладѣнія до видовъ болѣе далекихъ. Другіе элементы подчиняются невольно его воздѣйствію, связуясь съ нимъ если не симпатіями, то выгодами и расчетами; всего же болѣе элементъ Бѣлорусскій, а черезъ него и общій Русскій, можетъ естественно пострадать. Край политически и государственно сдѣлался совершенно Русскимъ, и въ сѣмъ-то именно отношеніи политическомъ, наиболѣе обезпеченномъ, не престаеетъ оставаться и общаетъ долго еще оставаться большимъ мѣстомъ Россіи: ибо если за политическимъ не-политическое предоставляется самому себѣ, а въ настоящемъ случаѣ на долю затрудненій, исторически и давно уже вкоренившихся, въ такомъ случаѣ затрудненія, въ сущности не-политическія, постоянно могутъ рождать изъ себя государственныя, всегда пребывающія близко, на чеку, въ готовности къ соприкосновенію. Всякой, бывавшій и живавшій въ Краѣ, знаетъ по себѣ, какъ, при сдержанномъ политически покоѣ и видимомъ ровномъ ходѣ дѣлъ, чувствуется ежеминутно и на каждомъ шагу какое-то безпокойство, тревога, зыблемость: при малѣйшемъ качаніи вы отъ видимаго равновѣсія переходите непосредственно къ жгучему политическому вопросу, который изъ всего, самаго мелочнаго, готовъ возгорѣться. — «Сепаратизмъ» во всемъ мірѣ у людей образованныхъ разумѣется только въ политическомъ отношеніи: не придетъ въ голову примѣнять это названіе тамъ, гдѣ говоритъ особое нарѣчіе, творится свое народное творчество, иновѣдуется иная вѣра, дѣйствуютъ мѣстныя силы, общество развивается въ мѣстномъ духѣ, однимъ словомъ кипитъ и совершенствуется мѣстная жизнь внѣ политики. Потребно лишь равновѣсіе элементовъ ея, — и самъ собою вырабатается перевѣсъ тому, кому судила господство изначала мѣстная исторія: успѣхъ и подъемъ *Бѣлорусскій*, хотя бы самый мѣстный изъ мѣстныхъ, не былъ бы никогда сепаратизмомъ, напротивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ одно время успѣхомъ *Русскимъ*, а будущее политическое Россіи лучше всего было бы этимъ обезпечено съ корня. Напротивъ, исключительность того, что вовсе не мѣстное, а впрочемъ и не на столько общее, чтобы привиться къ мѣстному или замѣнить его, неравно. вѣсіе развивающихся сторонъ и отсутствіе управляющаго какого либо не-политическаго элемента, непослѣдовательность системы и скудость плодотворной организацій, когда жизнь ни съ какой уже стороны не кипитъ и не развивается, напротивъ толчется въ одной сумятицѣ, ибо стихіи все же остаются на днѣ разнородны, — такія явленія, говоримъ, хотя бы не поли-

тически, граничатъ съ тревогой политической, какъ разъ въ нее переходятъ и, при малѣйшемъ качаніи на одну сторону, превращаются въ дѣйствительный сепаратизмъ. Больше всѣхъ эта послѣдняя роль сродна Полякамъ или ополяченнымъ Краю, ибо они всегда были наклонны къ перевѣсу и крайностямъ, да и не чужды воспитанныхъ изстари политическихъ инстинктовъ, почти незнакомыхъ другимъ мѣстнымъ народностямъ, которыя не испытали подобной приманки въ исторіи: и вотъ, по вызову сего, Край періодически время отъ времени обращается въ военный лагерь для усмиренія смуты или, по крайности, государство дѣйствуетъ въ немъ военною рукою. Послѣдствія падаютъ именно на среду не-политическую, и всего болѣе Бѣлорусскую, какъ чуждую всякого рода ловкости и уловки. Такъ сказать некогда жить и развиваться всему прочему, когда дѣйствуетъ одно политическое, притомъ еще вооруженное, а не вооруженное, по образцу заданному, вооружается чиновными тенденціями, всегда на сторожѣ, всегда чего-то боится, что-то преслѣдуетъ и караетъ, съ чѣмъ-то, почти неосознаннымъ и невидимымъ, борется до упадка силъ, отъ чего-то само страдаетъ, и страдаетъ весьма реально. Благосостояніе для представителей государства симъ путемъ не наживается: средства, доходы и избытки поглощаются дороговизной, поднимающейся въ Краѣ по баснословному барометру, или переходятъ, какъ всякое богатство, въ руки Евреевъ. Плодущіе Евреи поглощаютъ для себя, но не производятъ для общаго дѣла: осталая производительность, дающая имъ пищу, не поднимается, а истощается. Когда весь главный интересъ въ скорлупѣ, внутреннее зерно и яйцо разумѣется сохнетъ, порошится, вывѣтривается. Это уже не опасность сепаратизма, ибо нечему сепарировать, а опасность недуга, тяжелой ампутаціи и смерти. Государство обнимаетъ собою все и со всѣмъ соприкасается: но не можетъ стать на мѣсто всего и все собою замѣнить; если некому и нечѣму жить въ государствѣ, ему самому не можетъ быть выгоды. Государство не въ силахъ сдѣлать всего: дѣятели другихъ сферъ только появляются въ Краѣ, посмотрятъ, послушаютъ и — назадъ; мѣстная дѣятельность не родитъ ихъ, а потребляетъ, и ихъ часть отъ часу меньше. Дѣло приходитъ, стало быть, къ простѣйшимъ элементамъ, на кои разлагается всякая жизнь: а простѣйшій элементъ въ данномъ случаѣ есть конечно *простой народъ*, съ его *народностью* и всѣми остатками явленій народныхъ. Если взглянемъ на Бѣлую Русь какъ на бывшее государство, исторически правившій свой міръ и цѣлый Край, то судьба его теперь та же, какъ всѣхъ Славянскихъ государствъ, политическихъ тѣлъ, крупныхъ организмовъ: въ концѣ разложиться на то самое, изъ чего поднялись сначала, но, поднявшись, пошли въ кривь или въ кось, какъ иное дерево въ сукъ да въ болону. Остается вновь что либо создавать изъ простаго народа и простой народности, или,

по крайности, предоставить ей, чтобы создавалось, и устранять лишь препятствия да помогать отрицательно. Государство Русское, взявшее на свой страх и ответ судьбы Края, не могло не понять сего значенія съ перваго разу при послѣднемъ кризисѣ: поднять, поставленъ, пущенъ въ ходъ мѣстный *вопросъ крестьянскій*, конечно въ связи съ землевладѣніемъ, и это *cardo rerum, conditio sine qua non, raison d' être* для цѣлаго Края. Если онъ пойдетъ впередъ сколько ни будь безъ помѣхи, то, по закону исторической необходимости, разъ положенному въ основу мѣстной исторіи, крестьянскимъ вопросомъ самъ собою выдвинется впередъ народъ *Бѣлой Руси*. Онъ, при всемъ разложившемся или разлагаемомъ, живъ до сихъ поръ, какъ послѣдній, основной, неразлагаемый, стихійный элементъ: какъ ни дышется, легко или тяжело, чистымъ воздухомъ или порченымъ, но дышется единственно одной—*народностью*.

Теперь поймемъ, какъ же, стало быть, важно намъ имѣть передъ взоромъ, знать и изучать *народное творчество Бѣлорусское* вообще и *пѣснотворчество* въ особенности, съ языкомъ, какъ основой, съ голосомъ и орудіемъ въ сопровожденіи, съ міровоззрѣніемъ какъ содержаніемъ внутреннимъ и какъ предметомъ для историческаго изслѣдователя: произведеніе и выраженіе народности, ея зеркало и данное явленіе, въ сферѣ лучшей—въ сферѣ духовныхъ творческихъ силъ.

Если сама Бѣлая Русь не дозрѣла до полнаго самосознанія историческаго во всѣхъ отношеніяхъ, то и для другихъ, родичей или стороннихъ, никогда еще не служила она предметомъ всесторонняго историческаго наблюденія и изслѣдованія: затрогивали тотъ или другой вопросъ, изъ той или другой эпохи, обыкновеннѣе съ какимъ либо расчетомъ и единственно подъ вліяніемъ какого либо политическаго толчка.—Только въ нашемъ уже вѣкѣ, К. О. Калайдовичъ первый изъ Русскихъ со вниманіемъ остановился на особенностяхъ народнаго Бѣлорускаго нарѣчія. Тѣмъ болѣе возбуждала наше любопытство народность сего Края во всемъ ея объемѣ, и мы давно уже обратились къ главному ея дѣлу—языку и пѣснотворчеству. Ближайшимъ руководителемъ здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, былъ для насъ П. В. Кирѣевскій: онъ еще въ 30-хъ годахъ самъ посѣтилъ Бѣлоруссію и, если не успѣлъ самъ записать, какъ было нужно, то по крайности вошелъ въ связи съ нѣсколькими лицами, которыя доставили ему народныя пѣсни, записанныя польскимъ шрифтомъ и отчасти со вкравшимися естественно полонизмами, ибо то были лица Польскаго происхожденія или ополяченные. Это составило у покойнаго, такъ сказать, «Бѣлорусскій архивъ матеріаловъ», въ связи съ разными замѣтками о странѣ: чтобы воспользоваться имъ, а тѣмъ паче сколько ни будь издать, нужно было много поработать и, не говоря уже о прочемъ, переписать Кириловскимъ,

нашимъ шрифтомъ, а для этого, разумѣется, чтобы не ошибаться, изучить живое нарѣчіе въ связи съ бытомъ Края и въ соотношеніи къ другимъ ближайшимъ нарѣчіямъ, выросшимъ до цѣлыхъ языковъ, особенно же къ Польскому и Великорусскому. Тогдашнее наше общество съ его наукою на такой трудъ по меньшей мѣрѣ насмѣялось бы: самъ Петръ Васильевичъ не имѣлъ на то времени, ибо это значило бы готовить уже изданіе, котораго вовсе не позволяле обстоятельство, между тѣмъ какъ онъ едва успѣлъ приступить къ началу главнѣйшаго изданія—Стиховъ и Пѣсней Великорусскихъ. На трудъ тяжелый, не вознаграждавшій ничѣмъ внѣ самого труда, не удовлетворявшій ничему кромѣ какъ безкорыстному знанію, по видимому непрактическій и даже безцѣльный, ибо вокругъ не знали прошлаго и не предчувствовали близости роковаго будущаго, на этотъ трудъ нашелся я одинъ: П. В. Кирѣевскій передалъ мнѣ его, вмѣстѣ съ самимъ матеріаломъ, и только руководилъ своимъ указаніемъ, опытомъ. Какъ искренне и усердно это велось, стоить прибавить въ примѣръ, что я болѣшую часть переписалъ собственною рукою, а чтобы установить правописаніе нынѣшняго шрифта, съ нѣкоторыми необходимыми оттѣнками для вѣрности нарѣчію и для легкаго доступа нашей литературѣ, въ этомъ прошло у насъ съ полгода, за обсужденіемъ и повѣркою нѣсколькихъ образцовъ, нѣсколько разъ мною составленныхъ и передѣланныхъ. Завлеченный интересомъ дѣла, я началъ самъ дополнять собраніе и мало по малу умножилъ его значительно: но я тогда исключительно почти занятъ былъ собираніемъ народныхъ духовныхъ Стиховъ, не имѣлъ средствъ лично проникнуть въ край дальше Смоленской, то есть самой близкой къ намъ области, и счастливъ былъ въ особенности пріобрѣтеніемъ народныхъ Бѣлорусскихъ рукописей, изъ которыхъ одна, XVII вѣка на нотахъ, составляетъ доселѣ единственное въ Россіи сокровище *). О печатаніи нельзя было и думать: я успѣлъ только сообщить *Θ. И. Буслаеву* нѣсколько образцовъ въ первое изданіе его «Исторической Хрестоматіи **).» Такъ застала насъ смерть Петра Васильевича, а послѣ нея, какъ многимъ извѣстно, начато было мною обнародованіе его сборника Великорусскаго, почти поглощавшаго весь мой досугъ въ занятіяхъ сего рода, именно пе-

*) Она въ послѣдніе годы Кн. В. Θ. Одоевскаго постоянно была настольною для его занятій, сопровождала его даже въ поѣздкахъ и едва была съ трудомъ возвращена мною изъ бумагъ его посмертнаго наслѣдства.—Впослѣдствіи число подобныхъ Бѣлорусскихъ рукописей и рѣдкихъ изданій со Стихами возрасло у меня до полнаго богатства; не могу кстаті не прибавить, въ характеристику уровня нашихъ свѣдѣній, что не такъ еще давно облетѣла нашу періодическую печать вѣсть объ одномъ изъ „Попечителей“ Западнаго Края, который „нашелъ и открылъ“ рукопись съ Бѣлорусскими Стихами и молитвами. Какая рѣдкость—для господствующаго беззнанія!

**) 1861 года, стран. 1623, 24.

чатаніе, со всіми моими дополненіями, старших Былинъ, до которыхъ или вовсе не доросла Бѣлая Русь, или которая у ней давно разложились. Въ мое одновременное изданіе «Калѣкъ Перехожихъ» вошло довольно много Бѣлорусскихъ Стиховъ (ихъ весьма мало было собрано П. В-чемъ, да и тѣ всѣ почти поступили въ первый его опытъ печатанія при «Чтеніяхъ М. О. И. и Др. Росс.»): но они помѣщались смотря по отдѣлу, который шелъ, а потому далеко еще не всѣ, даже часто не народные, младшіе и книжные, главное же—не столь характерные для народности, какъ пѣсни, а симъ послѣднимъ вовсе не было мѣста.

Крутой поворотъ и внушительный урокъ политическихъ событій, вскорѣ за тѣмъ наступившихъ для всего Бѣлорускаго края и вмѣстѣ для всей Россіи, событій, зависѣвшихъ отъ положенія общественнаго, а въ корнѣ отъ жалкаго положенія народнаго дѣла, естественно далъ толчокъ и нашему собранію: на встрѣчу событій и вопросовъ, съ своей стороны мы явились готовыми, съ тѣмъ, что успѣли подготовить личныя силы, спеціальность занятія, предусмотрительный взглядъ на вещи и наше «непрактическое» отношеніе къ жизни. Въ концѣ 1863 года, *Обществу Любителей Россійской Словесности* представили мы обработанный для изданія Сборникъ, вмѣщавшій уже до пяти сотъ Бѣлорусскихъ образцовъ или памятниковъ чисто-народныхъ, устныхъ, не говоря о дополненіи старинныхъ Бѣлорусскихъ рукописей, съ Пѣснями и Стихами на нотахъ. Мы выразили желаніе, чтобы обнародованіе всего этого вошло въ рядъ изданій, начатыхъ уже и веденныхъ тогда нами отъ имени Общества, сопровождая представленія свои рѣчью, въ которой старались разъяснить: всю благовременность такого дѣла въ отвѣтъ на запросы тогдашняго дня; пользу для подъема цѣлаго Края, благотѣльность для народа; потребность для Русскаго общества, блуждавшаго въ невѣдѣніи при самыхъ жгучихъ и спѣшныхъ вызовахъ минуты на положительную рѣшимость; отношеніе къ задачамъ политическимъ, безотносительный интересъ науки и знанія; даже практическій расчетъ такого своевременнаго предпріятія и безопасность его какъ для мѣстнаго сепаратизма, многихъ еще тогда пугавшаго, такъ и для общаго Русскаго дѣла, всего болѣе имѣвшаго надежду на обезпеченіе именно такимъ путемъ. Не умѣстно и даже скучно было бы повторять эти истины, по счастью теперь еще не антиквированныя и къ сожалѣнію ничѣмъ лучшимъ пока не упрощенныя: любопытные могутъ обратиться къ «Дню,» гдѣ была воспроизведена наша рѣчь *). Общество Словесности, какъ и слѣдовало ожидать, раздѣляло совершенно наши взгляды и поручило намъ приступить къ изданію

*) 1863, № 45, 9 Ноября, «Объ изданіи памятниковъ Бѣлорускаго народнаго творчества.»

отъ его имени на обычныхъ условіяхъ. «Западно-Русскіе люди,» представляшіе тогда для себя самихъ и для внимательной литературы видную роль и почти особое сословіе, на вызовъ нашъ, указать возможные недостатки и помочь исправленіями или дополненіями, отвѣчали молчаніемъ, по видимо-мусочувственнымъ, которое признали мы за знакъ согласія съ нашими взглядами и приѣмами, такъ что видѣли себя въ правѣ считать подготовленное дѣло свое добропорядочнымъ.—Спѣшно принялись было мы за оживленную работу: но наступившій 64-й годъ до зимняго времени прошелъ въ переговорахъ по поводу приглашенія, намъ повторявшагося, прибыть въ Бѣлорусскій Край для постоянного дѣйствія на самомъ поприщѣ разыгравшихся событій и вопросовъ. Среди такихъ обстоятельствъ пришлось доканчивать зачатые изданія прежнія, чтобы планы, обработку и приѣмы ихъ передать въ Москвѣ преемникамъ, а для Бѣлорусскаго сборника впереди представлялась лучшая возможность, лично и на мѣстѣ провѣрить, исправить, пополнить. Передъ отъѣздомъ мы снова обратились къ Обществу съ отчетомъ о прежней дѣятельности сего рода, сдавая ее съ рукъ на руки для продолженія и заключая просьбою: «Въ сборникѣ Кирѣевского есть особая часть, нѣсколько тетратей пѣсень Бѣлорусскихъ, которыя вы мнѣ разрѣшили издавать еще прошлаго года. Вотъ онѣ, я прошу покорнѣйше отпустить ихъ со мною, отчасти потому, что безъ меня онѣ будутъ совершенно бесполезны и никто не разберетъ ихъ подъ Латинскою абecedой, а еще болѣе потому, что, прибывши на мѣсто, я приму всѣ мѣры, чтобы приумножить ихъ новымъ собраніемъ чрезъ тамошнихъ мѣстныхъ дѣятелей.» «День,» въ самыя горячія минуты такъ много пособившій дѣлу Края печатаніемъ разнообразныхъ статей объ исторіи и современномъ положеніи Бѣлоруссіи, а вмѣстѣ встрѣчавшій такимъ сочувствіемъ дѣятельность нашу въ области народной и оказавшій неоцѣненные заслуги просвѣщеннымъ содѣйствіемъ успѣху изданій народнаго пѣснотворчества, напутствовалъ насъ искреннимъ расположеніемъ и помѣстилъ отчетъ нашъ на своихъ страницахъ *).

При всѣхъ трудностяхъ, съ усердною готовностію на самую тяжелую работу и съ полною вѣрою если не въ политическія задачи, то въ успѣхъ общественнаго и народнаго дѣла, устремились мы на предстоявшее поприще въ Сѣверо-Западномъ, правильнѣе Бѣлорусскомъ, краѣ. Весьма совѣстно теперь, но справедливо признаться, что нами руководили горячія убѣжденія слѣдующаго рода. Политическая и государственная дѣятельность, со всѣми ея задачами въ Краѣ, не устраняетъ и не упраздняетъ, напротивъ вызываетъ

*) Въ № 4-мъ 23 января 1865 года.